

С О О Б Щ Е Н И Я

АМИНЕ АВДАЛ

ПАТРОНИМИЯ У КУРДОВ АРМЕНИИ В XIX в.

Несмотря на классовое расслоение, в быту курдов Армении вплоть до XX в. сохранились значительные пережитки родового строя.

Наиболее крупной родственной (псаммой)¹ группой курдов Армении был в XIX в. габил (роџ). Габил состоял из бāров, бār — из семей.

В габил входило 5—10 или немногим более бāров, бār состоял примерно из 60 больших и малых семей. В Армении и в Закавказье вообще существовали следующие курдские габилы и бāры: Зилан («ростки» — габил), Мла («плечистые» — габил), Сипка («белые» — габил), Бруна («бородатые, бровастые» — бār), Коркотиа («почитатели крупы дзавара» — бār), Шамска («поклонники солнца» — габил), Гасана (имя вождя габила), Стурка («рогатые» — бār), Мхайла (имя вождя бāра), Байандура (название местности в Турции — габил), Шкака («подозрительные» — габил), Раша («черненькие» — бār), Кхалалоша («горячие сердца» — бār), Пиваза («почитатели лука» — бār), Ахосия (имя вождя габила), Сбхана («священные», «чистые» — бār), Мроя («мертвецы» — бār), Нивейя («почитатели луны» — бār).

Основным занятием курдов Армении в дореволюционное время были овцеводство и частично земледелие. Женщины занимались ковроделием и выделкой войлока. Некоторые ковры называются именами бāров и родов, например: «Ханея», «Зилея» и т. д. Члены бāра совместно пользовались источниками, пастбищами, у оседлых курдов также и пахотными землями, гумнами, мельницами, зерновыми запасами, совместно пасли и содержали овец.

Тесно связанные родственными отношениями, члены бāра считали себя единым коллективом, единой силой и с экономической, и с общественной, и с идеологической точек зрения.

До земельной реформы 1870 г. в Восточной Армении пастбища и пахотные земли, составлявшие общую собственность этих псаммных групп, большей частью использовались коллективно, а полученные сельскохозяйственные продукты распределялись по семейно, хотя, разумеется, львиная доля доставалась вождям и именитым людям бāра. Последние объясняли это необходимостью кормить большое число гостей, посещавших их дома. Таким образом, под видом родственных связей они эксплуатировали своих родичей. Кроме того, родичи главы бāра выполняли в его доме самую тяжелую работу: обрабатывали землю, мололи зерно, починяли сельскохозяйственные орудия, пасли стада, охраняли пастбища и т. д. Глава бāра, бāрапет, ага или бек, был лишь руководителем хозяйственных работ.

С развитием в Закавказье торгово-промышленного капитала постепенно разрушался патриархальный быт курдов. В результате земельной реформы в Армении курды-земледельцы и часть кочевников, ставших оседлыми, получили землю. Получившие землю члены бāра имели право не подчиняться распоряжениям сельской земельной общины. За курдом-крестьянином сохранялось право продать свой участок (не везде) и, в нарушение бāровых обычаев, даже уйти из деревни. Лучшие и самые большие участки сосредоточились в руках беков и богатеев, вследствие чего экономическое положение трудовых курдов еще более ухудшилось. Курды платили налоги не только государству, но и бāрапетам. Зачастую ага или «риспи» (староста села) под видом государственных налогов, под всяческими предлогами, взимал со своих родичей и неродичей деньги и продукты. Курды платили государству подоходный и военный налоги, на них ложились также расходы по строительству дорог, содержанию администрации сельской общины (старосты, писарей, старшин) и т. д.

После распределения земель и углубления расслоения в курдской деревне бār начал разлагаться. Семья стала переходить от коллективной собственности к частной.

¹ «Псамм» — «родич», родственник по отцовской линии.

Беки и богатеи, богатые хозяйства, обеспеченные пахотной землей и пастбищами, взимали с бедных плату за пользование их землями деньгами и натурой.

В конце XIX в. в курдских селах Армении, наряду с патриархально-феодальными отношениями, быстрыми темпами развивалось крупное землевладение. Это обстоятельство, естественно, не могло не оказать воздействия на внешние и внутренние отношения бәров.

Курдские бәры в Армении, кроме хозяйственной общности, были связаны также общественным и идеологическим единством. Общественное единство бәра выражалось в том, что каждый бәр с входящими в него семьями представлял собой общественно-единую ячейку. Каждый бәр имел свой отдельный квартал в деревне.

Единство этих групп состояло в том, что дома семей родственного квартала были смежные. Большая часть домов были подземными или полуподземными, с полукупольными перекрытиями. Стены сообщающихся домов имели отверстия, «олк». Отверстия эти имели хозяйственное, общественное и военное значение, в частности служили для передачи различных вестей. Подобные отверстия можно видеть и сейчас в стенах старых домов в курдских селах.

Каждый бәр имел единую военную силу и единое руководство. Военный руководитель бәра назывался «сәркар» (руководитель мужчин), а руководство, осуществлявшееся советом старейшин, — «сәркарти». Часто в совете старейшин принимали участие и чем-либо прославившиеся женщины.

Во время военных действий мужчины и женщины бәра, руководимые советом старейшин, несмотря на некоторые внутренние противоречия, все как один выступали против врагов. Они защищали бәр от мстителей, разбойников, похитителей женщин, воров, от нападений других бәров и т. д. Когда же курды восставали против чужеземных захватчиков, все бәры, входящие в род, объединялись для общей борьбы. Курдские габили — роды, как и большие бәры имели военные объединения, называвшиеся «комед дабилә» (группы родов), «комед бәра» (группы бәров) или же, «алаи» (военные объединения). Этими военными группами руководили сәркары родов или бәров.

По обычному праву каждый член бәра был обязан мстить за убитого или пострадавшего родственника. Это считалось правом и долгом. «Ху» пеш хунева» (кровь за кровь), — говорили курды.

Единство членов бәра характеризовалось также эндогамией. Курды стремились брать в жены прежде всего девушек своего бәра — «кнезези»². «Кнез нкара намамие кка», — «кнез не может быть изменницей», — говорили родители брачующихся и другие члены семьи, — потому что она наша родственница, девушка нашего бәра».

Единство рода выражалось в обычаях, связанных с умыканием женщин. Если похищали девушку какого-либо рода для мужчины другого рода, то весь род девушки поднимался на кровную месть и борьбу с враждебным родом. В то же время родичи похитителя, согласно обычаю, по очереди сожигались с похищенной женщиной, а затем отдавали ее похитителю. Остатки этого обычая сохранились в предреволюционное время у бәра «Мусесана» в Текорском районе Карского уезда. Участники похищения, для поддержания чести своего родича, по очереди уводили в свой дом похищенную женщину, а затем с почестями, подарками и с особыми обрядами возвращали ее в дом похитителя, однако теперь уже не сожигаясь с ней.

Курдским бәрам Армении свойственно также идеологическое единство, заключающееся в том, что члены этих групп считают себя происходящими от одного общего предка и чтут его память. Для увековечения памяти предка члены бәра в прошлом каждую весну совершали обряд жертвоприношения. В жертву приносили обычно свцу, готовили кушанья, из ручьев кувшинами приносили воду. Все это относили на могилу предка, где раздавали бедным для того, чтобы, по представлению курдов, души предков имели на том свете свою долю еды. Каждый бәр имел свое кладбище (или же один ряд на сельском кладбище) и своих духовных лиц — шейхов и пиров у курдов-езидов, у которых в большей степени сохранились пережитки язычества; у курдов-мусульман главным духовным лицом был мулла, общий для всех бәров. Духовенство руководило организацией празднеств, религиозных обрядов. Одновременно духовные лица были иногда родовыми и бәровыми вождями, военными руководителями.

Каждый бәр имел свое святилище. Так, например, бәр «Коркотна» («почитатели крупы»), проживающий в селе Кондахсаз Апаранского района, в горах Пахкуняц, имел свое святилище (священный камень) «Ардауд», у которого каждое лето в июле месяце члены бәра совершали жертвоприношение и различные обряды. Первый кусок мяса жертвенного животного полагался духовному лицу, второй — вождю, затем мясо раздавали всем членам бәра. В более позднее время, примерно после 90-х годов XIX в., вследствие ослабления кровнородственных связей, мясо жертвенного животного распределялось поровну как между членами данного бәра, так и между соседями.

В день смерти члена бәра все, кроме подростков, в знак траура надевали на лоб черную повязку и все вместе принимали пришедших из других сел «науаров» (людей в трауре). Если семья умершего была бедная и не в состоянии была сделать как полагается «хер» (поминки), то все члены бәра посылали ей животных, чтобы родственники смогли почтить память умершего, раздав мясо соседям.

Характерной особенностью идеологического единства бәра является понятие

² «Кнез» (перс.) — девушка или вообще женщина, родственная по крови.

«оджаха» (очага), имеющее несколько смысловых значений. Говоря «оджах», курды понимают под этим словом зажженный предком огонь, а также очаг, камин, наконец, дом и богатство, принадлежащее семье или группе семей. Оджах — очаг считался священным, в него не разрешалось плевать, пачкать вокруг. Очаг являлся символом счастья семьи или б́ара. Поэтому курды часто клялись очагом.

Наряду со специфически б́аровым культом среди курдов Армении были распространены общекурдские верования. У курдов-езидов вера в бога-творца была весьма слабой. Преобладало почитание явлений и предметов природы, главенствующее место занимали почитание тотема, и культ божества земледелия «Малакетауза».

До наших дней в курдском языке сохранился ряд слов, отражающих кровнородственные отношения и говорящих о наличии кровнородственных группировок. Вот, некоторые из этих слов: б́ар (группа кровных родичей), тохум (семья, поколение, происходящее от общего предка), дж'нс (род, поколение), псам (кровный родич), с'лс'лс (происхождение из одного племени, рода, б́ара), ас'л (принадлежность к кровнородственной группе, происхождение из какой-либо такой группы), камо б́ра-псама (группа братьев, кровных родичей), тайфа (родственная группа), аширати (племя, большая группа родичей, члены которой готовы защищать друг друга).

В курдском языке находим также и ныне выражения, свидетельствующие о наличии родственных отношений и привычках курдов действовать совместно. Таковы: хоадна бра-псама (земельные участки братьев), сурие б́аре (б́аровое стадо), меред б́аре (мужчины б́ара), бе гауата ж'н у мере б́аре (силами, усилиями мужчин и женщин б́ара), ч'ко д'кя, саркаре б́аре д'кя (все, что делается, делается руками б́арового вождя).

Таким образом, несмотря на классовое расслоение в курдской деревне, в дореволюционное время среди курдов Армении еще в значительной мере сохранялось хозяйственное, общественное и идеологическое единство небольших родственных групп. Группу, сохранившую такое единство, М. О. Косвен назвал «патронимией», рассматривая ее как особую историческую общественную форму. «Патронимия, — говорит он, — является исторической общественной формой: она свойственна патриархальному родовому строю, но весьма устойчиво сохраняется у многих народов в распаде этого строя, нередко и в условиях классового строя, подвергаясь тогда, конечно, классовому метаморфозу. В качестве особой общественной формы патронимия играла крупную и разностороннюю роль в родовом быту и в известной мере эту роль сохраняла не только с распадом родового строя, но и с полным исчезновением рода»³.

То же можно сказать о б́аре. Курдский б́ар — это отмеченная М. О. Косвенom патронимия со всеми ее особенностями.

³ М. О. Косвен, Патронимия и проблема структуры рода, в кн. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 257.